

канд. филол. наук / И.П. Полуэктова. – Воронеж : [б.и.], 2000. – 23 с.

Соловьев В.С. Красота в природе Вл.С. Соловьев // Соловьев В.С. Соч. : в 2 т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 350-388.

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов / Дж. Фоли. – М. : Вече, 1997. – 512 с.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.

АВТОРСКАЯ МАСКА ЮМОРИСТА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ВЕЛЛЕРА

А.Н. Кузнецова

*Научный руководитель: С.А. Голубков,
доктор филологических наук, профессор (СамГУ)*

Исследование авторских масок является очень продуктивным и актуальным на данный момент. Явление, которое зародилось задолго до современности, именно в наше время получило не только яркое практическое воплощение, но и теоретическое обоснование. Так, например, исследовательница О.Ю. Осьмухина пишет об авторской маске следующее: «Пристальное изучение генезиса авторской маски, этапов становления и развития, с одной стороны, раздвигает горизонты феномена автора, а с другой – позволяет исследовать арсенал приемов, которым располагает рефлектирующий автор, арсенал, нацеленный на него самого» [Осьмухина 2009: 4].

Многие современные исследователи пишут об авторской маске вообще, или применительно к творчеству конкретных писателей. В данной работе мы будем говорить об авторской маске юмориста в творчестве Михаила Веллера и постараемся выяснить, для чего автор «примеряет» на себя эту маску и какие цели достигает с ее помощью. Для данной статьи были использованы материалы книг «Перпендикуляр» и «Мое дело». Это немаловажно, так как первая книга – сборник лекций, прочитанных автором в университетах различных стран, а вторая – произведение автобиографическое.

Говоря о маске юмориста в творчестве М. Веллера, отметим сразу, что «смеется» автор много, высмеивает практически все, иногда добродушно подшучивает, но чаще всего – это едкий сарказм в сторону конкретного лица или события.

В ходе работы мы отобрали материал по данному критерию и проклассифицировали его на несколько групп, в зависимости от объекта смеха.

В основную категорию вошли такие группы, как:

- общество как объект смеха;
- политика/политический деятель как объекты смеха;

- персонаж/конкретный человек/лицо как объекты смеха;
- определенное (конкретное) явление как объект смеха;
- конкретные событие/случай как объекты смеха.

Понятно, что группы 4 и 5 – «явление» и «случай, событие», – следует отличать друг от друга ввиду того, что под отдельным случаем понимается одномоментное, разовое событие, происшествие, не имеющее аналогов, не повторяющееся и не являющееся закономерностью. Под явлением мы будем понимать соответствующие факты действительности, жизни. Они, в большинстве своем, повторяющиеся, не одномоментные. Эти явления выступают как среда, действительность, факт существования в определенной среде. Их абсурдность (очень часто!) и комизм могут быть вполне ясны для всего общества, но, в силу сложившейся ситуации, общество, как правило, не в силах бороться с подобными явлениями.

Кроме того, необходимо также различать группу «персонаж/конкретный человек/лицо» и группу «общество». Понятно, что под обществом в данной работе будет пониматься группа лиц, как правило, обезличенных, народная масса, не имеющая конкретного лица, представителя, в котором автор обобщил бы признаки всей группы. В произведениях Михаила Веллера общество, окружающие люди, как правило, играют значительную роль в развитии событий, в самом произведении, и потому мы выделяем его в отдельную группу. Иногда под «обществом» мы будем рассматривать отдельную, конкретную группу лиц, объединенных чем-либо, например, социальным положением, профессией, местом проживания. В данном ключе автор использует комизм в основном для того, чтобы выявить и показать читателю какие-либо сходные черты этих лиц, возникающие именно на основе их принадлежности к определенному кругу. Например, журналисты в произведении М. Веллера обязательно имеют какие-либо свои профессиональные привычки, манеру общаться и т.д. Среди таких групп нетрудно выделить студенчество, правящий класс, начинающих писателей, группу знаменитых литераторов и многих другие «коллективы».

Группы «политика/политический деятель» и «персонаж/конкретный человек/лицо» также сходны между собой. Ясно, что политический деятель и конкретный человек могут быть выражены одним лицом. Но конкретный человек/персонаж/лицо, как правило, в произведении М. Веллера обезличен, это либо собирательный образ, либо лицо вымышленное. Даже если в тексте и говорится о каком-либо человеке, реально существовавшем, учитывается его профессиональная принадлежность. Этим он и отличается от политического деятеля. Основа подобного разделения в том, что политика М. Веллер высмеивает иначе,

чем простое, гражданское лицо, пусть и вполне конкретное, определенное. Это совершенно разные типы. В первом случае автор смеется над политиком как над властью, а во втором над человеком в прямом смысле этого слова, как над личностью.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим по паре наиболее характерных примеров из каждой группы:

1. Общество как объект смеха.

К данной группе мы отнесем все случаи, все примеры, в которых автор смеется над обществом определенного исторического периода, над нравами общества, над его поведением, над тем, что оно считает правильным, а что неверным, над тем, как общество живет, что составляет основу его бытия, о чем мечтают те или иные слои общества, как они между собой соотносятся и т.д. Самый «общий пример», который можно подвести под эту черту, – это тот, где писатель высмеивает человека, не конкретное лицо, а любого. Вернее сказать, даже качество, присущее абсолютно любому и каждому из нас. Автор пишет: «А с точки зрения человеческого сознания, человеческого, можно сказать, центропуизма...» [Веллер 2006: 267]. Веллер смеется над присущим каждому из нас стремлению все обращать в свою выгоду, над стремлением человека в первую очередь позаботиться о себе. Писатель высмеивает наш эгоизм. Этот пример охватывает все человечество, вне зависимости от расовых, национальных, профессиональных принадлежностей, человеческому эгоизму безразличны наши качества характера, положительные и отрицательные стороны, наш образ жизни и вообще все остальное, что может более или менее охарактеризовать человека.

М. Веллер, как профессиональный филолог, не может обойти стороной и литературный процесс. Как правило, в произведениях Михаила Веллера критике подвергаются писатели, поэты (т.е. литераторы), критики, издатели – или часто имеется ввиду коллектив какого-либо отдельно взятого издательства, какой-либо конторы, причем все его лица наделены определенной чертой, над которой автор смеется.

Приведем пару примеров: «В Свердловске было издательство СУКИ» [Веллер 2006: 169]; «СУКИ мне отвечали в том духе, что тамбовский волк им не земляк» [Веллер 2006: 170]; «И как-то сразу стало понятно, что никакие СУКИ меня не напечатают» [Веллер 2006: 170]. Писатель выплескивает сарказм на определенное издательство, вполне имевшее место быть. То есть автор высмеивает «общество данного издательства».

Данная группа очень обширна, распространена. Это происходит потому, что само понятие «общество» крайне широко и многогранно, так многогранно и все, в чем оно может выражаться.

2. Политика/политический деятель как объекты смеха.

Данная группа очень малочисленна. В основном, причина тому – тематика данных работ Михаила Веллера. Автор выступает как критик литературного процесса определенного периода в самом широком плане и, в самом узком, как критик отдельного произведения. Внимание на политику писатель обращает только тогда, когда культура и политика оказываются тесно взаимосвязаны, переплетаются.

Итак, для наглядности рассмотрим примеры: «Государства на Запад от России рвутся и бегут в НАТО» [Веллер 2008: 202]; «Финны наябедничали в ООН, что Союз нарушает Хельсинские соглашения...» [Веллер 2008: 179]. Данные примеры описывают политическую ситуацию определенных стран в определенный период исторического развития. Или, допустим: «И тогда следовали ехидные вопросы, которые в сталинско-лысенковскую эпоху не смели задавать» [Веллер 2008: 87]; «Перестроечный период характеризовался тем, что вытащили все из закров из всех амбаров и сусеков – и стали гнать мемуары белогвардейцев, ... всю чернуху» [Веллер 2008: 123].

Видно, что в каждом из случаев писатель иронизирует над периодом, над историческим временем, над какими-либо чертами этого времени, над чем-то, что, в основном, присуще только этому периоду, причем объектом смеха здесь служит политика, политическая ситуация этого времени.

3. Персонаж/конкретный человек/лицо как объекты смеха.

Данная группа состоит из примеров комического, в которых писатель смеется над конкретным человеком, над его характером, поступками, действиями. В большинстве примеров Михаил Веллер пишет о личностных, человеческих качествах писателей.

Итак, в первую очередь рассмотрим иронию над писателями. Начнем с Толстого: «...он, как бы это выразиться по-простому, в гробу видал простое русское трудовое крестьянство» [Веллер 2008: 24]; «...тараканы такого дуста не видали, как Левушка с Софьюшкой иногда общался» [Веллер 2008: 26]. Про Пушкина автор пишет так: «Начнем, естественно, с Пушкина, потому что с кого же еще...» [Веллер 2008: 5]; «Ну, короче, царь ему протезировал, и это облегчало петербургскую жизнь» [Веллер 2008: 11].

Мы видим, что в данных случаях Михаил Веллер иронизирует над писателями как над обычными людьми, то есть вне отношений к их роду занятий. Естественно, окончательно абстрагироваться от этого не удастся, да и не может получиться в принципе. Кроме того, с помощью комического автор смело развенчивает уже устоявшиеся мифы, которые зачастую принимаются обывателями за непреложную истину. Как мы видим, в случае с Л.Н. Толстым это миф о его «народности», в случае с

А.С. Пушкиным – это его якобы крайне тяжелая жизнь и множество любовных интриг.

Не менее интересен смех автора над персонажем: «И если Евгений все-таки хотел семью, домик там, щей горшок, да самый большой, то Акакий Акакиевич хотел шинель» [Веллер 2008: 167] – ироническое высказывание о двух самых знаменитых представителях типа «маленького человека» в русской литературе. В такой простой фразе писатель сразу указывает и на сходство (самим фактом сравнения), и на различия (что заложено в содержании фразы) персонажей.

Но следует вспомнить о том, что в текстах произведений Михаил Веллер смеется не только над личностями писателей, но и над обычными людьми. Как правило, эти примеры как раз и входят в «биографическую часть содержания».

Фразы «На 23 февраля идиот-замполит решил номером программы озвучить школьные успехи детей военнотружеников» [Веллер 2006: 30], «Надрывшись до неустойчивости Каллас шел на подвиги, как запорожец» [Веллер 2006: 177], «Он играл!!! Ему было не все равно!!! Он был пижон!!! Он наслаждался своей работой в родном университете!!!» [Веллер 2006: 52] имеют отношение к самым обычным людям, встретившимся писателю на жизненном пути.

К чести автора следует добавить, что он не только иронизирует над другими, но и не лишен самоиронии. Таких случаев в произведениях очень много (они так же «идут» из биографической части). Приведем пример: «С тех пор я регулярно ляпаю, что думаю» [Веллер 2006: 19].

4. Определенное (конкретное) явление как объект смеха.

Как уже оговаривалось выше, к данной группе мы отнесем те примеры иронии и сарказма у М. Веллера, где их объектом становится какое-либо явление действительности, среды. Что-либо постоянное, не одномоментное, всем понятное. Очень часто в подобных примерах мы сталкиваемся с тем, что общество, замечая абсурдность сложившегося, тем не менее, не в силах бороться с установленным порядком.

Для простоты приведем несколько примеров:

«Потом я прочитал “Колечко”. Потом стали мычать по кругу. Одна из двух дам, толстая и кавказистая, возбудилась и кричала, что мастерством здесь и не пахнет:

– А вы слушайте, слушайте, что вам говорят!

Клянусь, я не помню ее имени.

– За мои пряники, и я же педераст, – защитительно пробурчал в пространство Панин.

– Даже неловко, что автор угостил нас таким столом, – стал примирять Смолянин, – и вот, вынужден выслушивать только критику.

Куберский и Гальперин сказали, что автор просто не приблизился к уровню публикаций, но есть и высокие моменты.

Житинский сказал, что элементы формализма можно изжить, а потенциал высокий.

– Да бросьте вы, – сказал Панин, – хороший рассказ, нормально написан. Ну, не можем мы его опубликовать, но ругать-то не за что» [Веллер 2006: 152].

Так писатель комически передает нам реально имевшие место события. Все те, кто сидели на тот момент за столом и поглощали яства за счет молодого писателя, конечно, понимали, что как ни хорош рассказ, но напечатать его все равно не получится. И обидно даже не это. Взрослые люди, словно для того, чтобы «отмести от себя все подозрения», чтобы не выглядеть бессильными в этом вопросе, чтобы просто не сидеть молча, а что-то сказать, предпочли самый короткий и простой путь – раскритиковать хорошее произведение, выставить его и автора в неприглядном свете и обелить этим собственное бессилие и даже нежелание помочь. И Михаил Веллер в этом отрывке описывает нам не только конкретную ситуацию, не только произошедшее с ним, но и сотни других подобных случаев, пусть даже и совершенно не имеющих никакого отношения к писательской среде. Любой читатель может привести сколь угодно много своих собственных «случаев из жизни».

5. Определенные событие/случай как объекты смеха.

Как уже оговаривалось выше, в данную группу мы отнесем те примеры сарказма и иронии у Михаила Веллера, которые описывают целиком какую-либо ситуацию, комический, необычный случай. Как правило, этот случай будет действием одномоментным, непродолжительным и не повторяющимся.

В одном из примеров автор описывает встречу с очень значительным лицом, на которую в свое время возлагал большие надежды. Начало было неплохим, но во время беседы, видимо, от волнения, с М. Веллером произошел небольшой казус: «И вот на этом белом чехле синей джинсовой краской контрастно и плотно отобразилась моя задница» [Веллер 2006: 169]. Автор вспоминает нелепый случай с долей иронии и даже ностальгией по прошлому.

Понятно, что подобных примеров найдено очень много, но для того, чтобы разобраться с этим, не стоит приводить их все. Данную группу примеров объединяет объемность изложения, потенциальная возможность включения более мелких компонентов, одномоментность, единичность события и его неповторимость.

Как видим, объектом смеха у Михаила Веллера становится все, что противоречит его точке зрения, его взглядам на то, как должно быть. Тем

не менее, мы видим, что данный вопрос оказался очень обширным, по нему удалось собрать огромное количество материала, что уже говорит само за себя. Произведения М. Веллера смешны, необычны, заставляют задуматься над действительностью, реалиями, людьми.

В своих произведениях Михаил Веллер использует комическое для различных целей. Автор может дружелюбно подшучивать над персонажем, высмеивать политический строй, идеологию, общество определенного периода, критиковать вышеперечисленное. Кроме того, Михаил Веллер использует комическое заострение для деавтоматизации читательского восприятия, а так же для того, чтобы читателя своим произведением заинтересовать. Но следует помнить, что все эти цели словно «поддерживают» авторскую маску юмориста, которую М. Веллер примеряет на себя. Именно эти цели, успешно реализованные, служат основами данной авторской маски и причинами ее появления.

Список литературы

Веллер М. Мое дело / М. Веллер. – М. : АСТ, 2006. – 352 с.

Веллер М. Перпендикуляр / М. Веллер. – М. : АСТ, 2008. – 352 с.

Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия : монография / О.Ю. Осьмухина. – Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2009. – 288 с.

МОТИВ ЧАЕПИТИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Л.В. Пузырёва

*Научный руководитель: Л.В. Павлова,
доктор филологических наук, профессор (СмолГУ)*

Ф.М. Достоевский был любителем чая. Об этом вспоминали его близкие и знакомые – жена А.Г. Достоевская, Н.Н. Страхов, М.А. Александров, Е.А. Штакеншнейдер, С.Д. Яновский и др. «Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливая его себе сам...» [Александров 1990: 284]. Достоевский строго соблюдал правила заваривания чая, следил за цветом и крепостью напитка. Однако, увлекаясь работой, писатель терял свою требовательность. Например, Н.Н. Страхов вспоминал: «Писал он почти без исключения ночью. Часу в двенадцатом, когда весь дом укладывался спать, он оставался один с самоваром и, попивая не очень крепкий и почти холодный чай, писал до пяти и шести часов утра» [Страхов 1990: 414].